

**Пенской
Виталий Викторович —**

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета, г. Белгород

От «незнающих боевого порядка» склавов и антов к «стене» Святослава

**Ключевые
слова:**

Восточная Европа в раннем Средневековье, восточные славяне, образование Древнерусского государства, история военного дела

В предлагаемой статье автор попытался подойти к проблеме образования государства у восточных славян с несколько необычной точки зрения, связав изменения в военном деле славян, произошедшие во 2-й половине I тыс. н.э., с изменениями в их политическом устройстве. Военно-техническая революция, имевшая место в эти столетия у славян, конечно, не была единственным фактором, который обусловил образование Древнерусского государства, но, как представляется автору, сыграла свою существенную роль в ускорении процессов государственного образования у восточных славян.

В 2010 г. исполнилось 1150 лет знаменитому походу русов на Константинополь. Впечатления от этого события отразил в своих гомилиях патриаршествовавший тогда в имперской столице святитель Фотий. Пораженный свирепостью и силой северных варваров, он восклицал: «Что это? Что за гнетущий и тяжкий удар и гнев? Откуда обрушилась на нас эта страшная гроза гиперборейская? Что за сгустившиеся тучи горестей, каких осуждений суровые скрежетания исторгли на нас эту невыносимую молнию? Откуда низвергся этот нахлынувший сплошной варварский град... самих людей тела плачевно перемалывающий и жестоко губящий весь род человеческий? Откуда или отчего излился на нас этот мутный отстой — чтобы не сказать сильнее — таких и столько бед?» [22, с. 31]. Не так уж много в тысячелетней византийской истории событий, удостоившихся такой чести (прославленный в русских летописях и А.С. Пушкиным поход князя Олега как будто и вовсе не был замечен византийскими книжниками), и во многом благодаря этому многие историки, и не только они, но и писатели, журналисты, считают это событие началом истории Древнерусского государства. Конечно, эта точка зрения не является единственной — вопросы, связанные с проблемой его образования, давно, со времен памятной дискуссии в Академии наук между М.В. Ломоносовым и Г.-Ф. Миллером, являются предметом жаркой полемики, в ходе которой было выдвинуто множество версий и гипотез, объяснявших особенности процесса по-

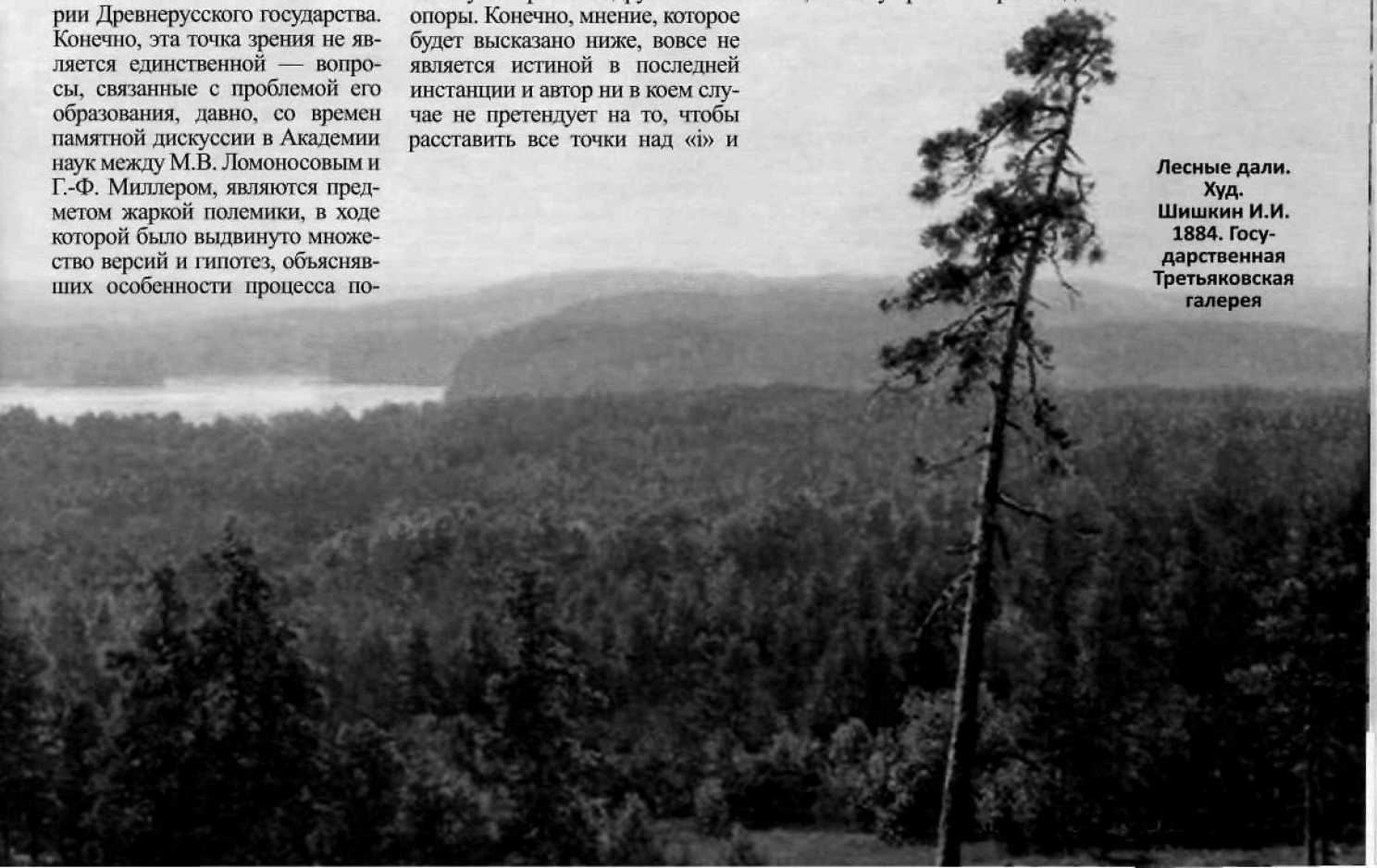
литогенеза у восточных славян. Однако решения, несмотря на все усилия, объяснения, которые бы сняли все (или, во всяком случае, большую их часть) возникающие при изучении этой проблемы вопросы, до сих пор пока не найдено.

Заочная дискуссия со сторонниками как «норманизма», так и «антинорманизма» (подавляющую часть существующих гипотез относительно происхождения государства у восточных славян можно свести к этим двум «генеральным» историографическим традициям), на наш взгляд, непродуктивна. Аргументы «за» и «против» с обеих сторон высказаны, и рассматривать их еще раз не стоит — это займет слишком много места и не входит в нашу задачу. Зададимся вопросом, — а что, если попытаться подойти к проблеме полигенеза у восточных славян с другой стороны, взглянуть на нее под иным углом зрения? Что, если использовать в качестве той самой архимедовой точки опоры, которая позволила бы перевернуть мир, нетрадиционный подход? И есть ли он вообще, этот нетрадиционный подход? И на эти вопросы, кажется, можно дать утвердительный ответ — да, такой подход есть, есть иной угол зрения и другая точка опоры. Конечно, мнение, которое будет высказано ниже, вовсе не является истиной в последней инстанции и автор ни в коем случае не претендует на то, чтобы расставить все точки над «i» и

завершить тем самым дрящую уже столько лет дискуссию. Но если предложенная версия поможет пролить хотя бы луч света на одну из самых загадочных страниц русской истории и побудит к более основательному исследованию проблем истории военного дела славян в раннем Средневековье, значит, усилия были приложены не зря.

Итак, обозначим проблему. Сравнение комплекса вооружения, как оборонительного, так и наступательного, определявшего характер «большой» и «малой» тактики восточных славян середины I тыс. н.э., с аналогичными комплексом и тактикой русов конца IX–X вв., позволяет сделать вывод о серьезных, если не радикальных, переменах в военном деле этносов, которые приняли участие в создании Древнерусского государства. Восточнославянский воин эпохи, образно говоря, «Великого расселения славян», пришедшего большей частью на 3-ю четверть I тыс. н.э., по своему облику и способам ведения войны более чем сильно отличался от привычного нам образа древнерусского воина, который в основных своих чертах складывается именно в конце IX–X вв. [13, с. 320]. Вместе с тем, к этому времени происходит

Лесные дали.
Худ.
Шишкин И.И.
1884. Государственная
Третьяковская
галерея

резкое ускорение процессов государствообразования у восточных славян, приведшее в очень скором времени (два-три поколения по меркам раннего Средневековья — это очень быстро) к возникновению Древнерусского государства, «Империи Рюриковичей», могущественного и влиятельного восточноевропейского государства. Случайным ли было совпадение двух этих процессов? При пристальном рассмотрении эта «случайность» отнюдь не смотрится такой уж случайной, поскольку есть все основания согласиться с тезисом, выдвинутым американским социологом Р.Л. Карнейро. Анализируя различные концепции происхождения государства, он отмечал, что «остаётся мало сомнений, что в той или иной степени война сыграла решающую роль в подъеме государства». И, развивая свою мысль, далее исследователь указывал, что война может рассматриваться как «механизм образования государства» [11, с. 58, 59]. И в том, что это так, нас убеждают многочисленные примеры, которые можно почерпнуть из соответствующей научной литературы, анализирующей роль и значение войны в жизни варварских обществ [См., например: 20, с. 19, 25, 26, 28–30].

Несколько предварительных замечаний. Прежде всего, трудно не согласиться с выдвинутым крупным отечественным археологом и оружейником А.Н. Кирпичниковым тезисом о том, что «прогресс вооружения нередко определял тактику боя и перевороты в способах его ведения» [13, с. 319]. Далее, как отмечали тот же А.Н. Кирпичников и его коллега А.Ф. Медведев, «...анализ предметов боевой техники закономерно приводит к постановке ряда широких вопросов, связанных с производством, использованием и развитием комплекса вооружения, снаряжением родов войск, оснащением армии на отдельных исторических этапах, международными культурными влияниями в сложении военной техники...» [14, с. 320]. Следовательно, наблюдения за развитием военного дела, изменениями в тактике и стратегии (насколько эти термины приложимы к характеристике военного искусства той эпохи), комплексе защитного и наступательного вооружения и пр., позволяют сделать опре-

деленные выводы относительно изменений в самом обществе, его социальном, политическом, культурном устройстве. Наконец, как бы мы не относились сегодня к идеям, высказанным классиками марксизма, и по сей день не утратило своей значимости замечание, сделанное почти полтора столетия назад Ф. Энгельсом, отметившим взаимосвязь между изменениями в экономическом строе общества (и, следовательно, в социально-политическом устройстве) и в военном деле: «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят, прежде всего, от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не "свободное творчество ума" гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала» [25, с. 171; 13, с. 319, 320]. Руководствуясь этими тезисами, двинемся дальше.

«...вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают».

Прежде всего, остановимся подробнее на том, как были вооружены и как сражались славянские воины в те времена, когда славяне впервые появились как этнос на исторической сцене. Отметим сразу, что специальных работ по этой проблеме в отечественной и тем более зарубежной исторической науке крайне мало. Вообще, как правило, историки рассматривают проблемы, связанные с историей военного дела славян, в т.ч. и восточных, лишь начиная с IX в., избегая погружаться в более ранние времена. Причин тому несколько. С одной стороны, трудно не согласиться с мнением отечественного историка А.К. Нефедкина, который связывал слабую изученность истории славянского военного дела с нехваткой письменных источников (а история, как отмечали еще сто с лишним лет на-

зад французские историки Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, пишется по документам) и скудности археологических материалов, которые в силу этого могут полагаться только в качестве вспомогательных при анализе первых [18, с. 79]. С другой стороны, несомненно влияние сложившегося с давних пор общего невнимания отечественной исторической науки к проблемам истории военного дела.

Помимо этих сложностей, есть и еще одна серьезная проблема. При попытках проанализировать состояние военного дела у восточнославянских племен в это время неизбежно нужно разрешить чрезвычайно важный вопрос — как сочетать сведения, которые дает археология, с данными письменных источников? Ведь не секрет, что относительно особенностей развития военного дела славян догосударственного периода наиболее информативны византийские источники, особенно VI – начала VII вв. Но они повествуют о славянских общностях, непосредственно граничивших с Империей, т.е. расселившихся в ходе Великого переселения народов в Подунавье, тогда как племена, вошедшие в состав Киевского государства, жили много севернее. Однако, на наш взгляд, положение отнюдь не является абсолютно безвыходным. Во-первых, есть все основания вслед за А.К. Нефедкиным полагать, что у разных народов «примерно на одинаковых стадиях развития складывались сходные общественные институты и нормы поведения, включая организацию военного дела» и, как следствие, можно прибегнуть к использованию сравнительно-исторического метода [18, с. 85]. Во-вторых, на протяжении VI – начала VII вв. византийцы имели дело преимущественно с антами и склавинами, славянство которых не вызывает сомнений, равно как и их связи с другими восточнославянскими племенами. Следовательно, с определенной степенью уверенности можно утверждать, что присутствующая антам и склавинам военная культура была свойственна в большей или меньшей степени и другим славянским племенам, в т.ч. и восточным. Следовательно, византийские описания вооружения и тактики славян могут быть использованы и для характери-

стики военного дела славян той эпохи. Правда, при этом необходимо учитывать, что последние исследования показывают, что под влиянием регулярных военных контактов с кочевниками и византийцами военное дело антов и склавинов начало быстро эволюционировать [9, с. 457–471; 10, с. 43–50]. Но применительно к восточнославянским племенам внешнее воздействие до поры до времени было меньшим, и свидетельства арабских авторов, относящиеся к недунайским славянам, подтверждают это предположение.

Для начала приведем выдержку из сочинения готского историка Иордана. Повествуя о событиях 2-й половины IV в. н.э. и о деяниях полубоггерманского готского короля Германариха, он писал, что «...после поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за

[слабости их] оружия, были, однако могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоило великое множество негодных для войны, особенно в том случае, когда и Бог попускает и множество вооруженных подступает...» [8, с. 84]. Примечательно, что противопоставляя готов и венетов (которых он полагал предками известных из византийских источников антов), готский хронист подчеркивал слабость и недостаточность вооружения венетов, что и способствовало их поражению в войне с готами. Теоретически можно допустить, что это не более чем литературный прием. Однако результаты исследования археологических памятников зарубинецкой, киевской и черняховской культур, так или иначе связанных с событиями, описанными у Иордана и в формировании которых принимали участие праславяне,

свидетельствуют об их бедности на оружие. Подавляющее число находок предметов вооружения составляют наконечники копий и стрел [См., например: 24, с. 28, 29, 50, 113, 146].

Более определенно характеризуют вооружение славян Прокопий Кесарийский и автор «Стратегикона» (традиционно считается, что им был византийский император Маврикий, правивший в 582–602 гг.). Реалии, отраженные в этих трактатах, были свойственны, судя по всему, славянам в середине – 2-й половине VI в. н.э. Прокопий, описывая вооружение славян, подчеркивал его чрезвычайную легкость — «вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают» [21, с. 250]. О том же самом говорит и автор «Стратегикона»: «Каждый мужчина [славянский. — В. П.] вооружен двумя небольшими

Жилье восточных славян. Худ. Иванов С.В. 1909

дротиками, а некоторые из них и щитами, крепкими, но трудно переносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом...» [17, с. 190]. Из контекста дальнейшего рассказа автора этого военного трактата следует, что славяне в массе своей не имели доспехов [17, с. 191]. Примечательно, что Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории», говоря о славянах конца VI в., также указывал на то, что они вооружены 2–3 лонхидиями-дротиками [7, с. 279]. Далее, автор византийской, так называемой, «Пасхальной хроники», повествуя об осаде Константинополя, предпринятой аварами и их подданными славянами в 626 г., называет славян легковооруженными воинами, завязывающими бой [19, с. 77]. Прошло два с половиной столетия, и арабский географ Абу Али Ахмад ибн Умар Ибн Русте (больше известный как Ибн Русте), говоря о славянах, характеризовал их как преимущественно пехотинцев и подчеркивал, что «их оружие — дротики, щиты и копья, а другого у

них нет» [6, с. 45]. И хотя многие специалисты датируют эти сведения Ибн-Русте последней четвертью IX в., очевидно, что они относятся к более раннему времени, т.к. между описываемыми событиями и записью сведений о них, сделанной Ибн Русте, прошел определенный промежуток времени.

Таким образом, из письменных источников следует, что славяне в VI–VIII и на протяжении большей части IX вв., в случае войны, выставляли преимущественно легковооруженную пехоту и немногочисленную конницу, и это подтверждается данными археологии [1, с. 145, 170, 171, 184, 199, 206]. Примечательно и то, что металлургия и железодельное производство у славян в это время были развиты достаточно неплохо [1, с. 150, 163, 164], однако же предметов оружия находится немного. Представляется, что если бы у славян той эпохи уже сформировалась бы характерная воинская культура, свойственная, например, кельтам или германцам, то набор оружия было бы на порядок больше, и сам набор вооруже-

ния был бы богаче, чем тот, что мы имеем на сегодняшний день. Вместе с тем полностью исключить возможность того, что под воздействием военных контактов с соседями такой слой начал формироваться, нельзя. Во всяком случае, уже Иордан дает нам косвенные свидетельства этого [8, с. 108]. Другое дело, что прослойка профессиональных воинов раньше всего возникает, судя по всему, на пограничье, и этот процесс затрагивает глубинные районы славянского мира в существенно меньшей степени, да и сам он, этот процесс, был «рваным», развивавшимся непоследовательно.

В соответствии с комплексом вооружения была и тактика славян. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, т.к. это уже было сделано А.К. Нефедкиным и рядом других авторов [18, с. 79–91], отметим лишь, что на поле боя для них было характерно стремление вести дистанционный бой посредством метания дротиков, прикрываясь щитами (обычными и/или стационарными ростовыми — этот вопрос требует дополнительного изучения). Лук, который, судя по все-

Битва скифов со славянами. Худ. Васнецов В.М.

му, был обычным охотничьим, простым (хотя есть свидетельства наличия у части славянских воинов сложносоставных луков гуннского типа [9, с. 262, 263]), использовался достаточно редко, и еще реже славяне переходили к рукопашному бою, к которому они не были готовы ни технически (из-за отсутствия в скольконибудь большом количестве доспехов и холодного оружия ближнего боя — боевых топоров, мечей, кинжалов и больших боевых ножей типа германских скрамасаксов), ни психологически (слой профессиональных воинов у них, как было отмечено выше, еще только начал формироваться [См., например: 2, с. 26, 27]). Отсюда естественным образом вытекала и «большая» тактика славян, уклонявшихся от «правильных» сражений в открытом поле строй на строй и стремившихся к «малой» войне на пересеченной местности, в лесах, стремнинах и узкостях с ее неожиданными нападениями из засад, изматыванию неприятеля набегами, внезапными атаками и т.п.

Итак, на протяжении нескольких столетий военное дело славян изменялось крайне медленно (напрашиваются аналогии с процессами, проходившими примерно в это же время, например, у саксов [См.: 4, с. 293]). Однако в IX в., особенно ближе к его концу, начинаются перемены, причем достаточно радикальные. Примечательно, что А.Н. Кирпичников и А.Ф. Медведев, касаясь проблем анализа развития комплекса вооружения восточных славян, писали, что «...большинство форм и видов оружия IX–X вв. не имеют местных корней [выделено автором. — В. П.] в культуре предшествующей поры. Объясняется это тем, что боевые средства славян VI–VII вв. были весьма скудными и в этом смысле ни в какое сравнение не идут с тем, что появляется в киевский период. У обитателей Восточной Европы середины I тысячелетия н.э. преобладали лук и стрелы, метательные дротики; мечи, шлемы и кольчуги почти отсутствовали...» [14, с. 320]. И если мы сравним те описания комплекса вооружения и тактики славян, что были сделаны византийским или арабскими авторами, с информацией византийского же историка 2-й половины X в. Льва Диакона, то остается только по-

разиться тому резкому контрасту, который предстает перед нами.

И если, исходя из результатов этого сравнения задать вполне закономерный вопрос — а сопровождался ли такой прогресс в комплексе вооружения восточных славян аналогичными серьезными переменами в тактике, то, абстрагируясь от частных деталей, ответ на него, по нашему мнению, может быть только утвердительным! Да, в военном деле славян Восточной Европы в последние полтора столетия I тыс. н.э. действительно произошла не только «техническая революция» (термин А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева)!

...русы Святослава не только не избегают рукопашного боя. Напротив, они стремятся к нему...

Но вернемся к Льву Диакону. Хотя он сам, видимо, и не участвовал в походе Иоанна Цимисхия на Дунай, однако, как отмечал видный отечественный византинист М.Я. Стюзов, «все подробности о боях и наружности Святослава он заимствовал из устных показаний очевидцев и из какого-то официального источника» [5, с. 145], поэтому не доверять его свидетельствам нет оснований. В своей «Истории» уже в первом описании воинов Святослава он сообщает, что они вооружены щитами и мечами [5, с. 44]. Регулярно Лев Диакон упоминает и воинов-русов в кольчугах, шлемах, вооруженных мечами, боевыми топорами и длинными копьями [5, с. 57–59, 71, 76, 78, 80]. Примечательно, что радикальные изменения во внешнем виде воинов, сражавшихся под знаменами Святослава, в сравнении со славянскими воинами более раннего периода, подтверждаются и данными археологии. Подсчеты, сделанные А.Н. Кирпичниковым почти столетия назад, показывают, что к тому времени в ходе раскопок было обнаружено 108 мечей, 17 сабель, 9 скрамасаксов, 290 наконечников копий и 13 сулиц, 211 боевых топоров, 27 кольчуг и 8 шлемов, относящихся к X–XI вв. [Подсчитано автором по: 12, вып. 1, с. 23, 71, 91–93; вып. 2, с. 16, 40, 99; вып. 3, с. 8, 83, 84].

За относительно короткий период количество находок оружия возрастает в разы, а некоторые, например, шлемы, и вовсе появляются впервые. Так, А.Н. Кирпичников писал, что «датировать находки шлемов на Руси можно примерно тем же временем, когда о них впервые сообщают византийские и русские письменные источники. О боевых наголовьях более раннего периода можно строить только догадки. Находки шлемов VI, VII, большей части VIII в. на территории Восточной Европы неизвестны». Более того, оружейвед отмечал, что «экземпляры [шлемов. — В. П.] X в. не имеют непосредственной связи [выделено автором. — В. П. Очень важное замечание!] со шлемами предшествующего периода...» [12, вып. 3, с. 22].

Не менее радикальными стали и перемены в тактике, «большой» и «малой». Если ранее византийские авторы сообщали, что славяне «...ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном строю не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают» [17, с. 190, 191], то теперь все выглядело совершенно иначе. Тот же Лев Диакон неоднократно подчеркивал, что русы Святослава не только не избегают рукопашного боя. Напротив, они стремятся к нему, видят в нем едва ли не единственный способ решить исход войны и битвы [5, с. 44, 58, 59, 70, 72–74, 76, 78, 80, 81]. Тут напрашивается сравнение с высказыванием автора «Стратегикона»: «Светловолосые народы [германцы. — В. П.]... решительно вступают в рукопашную схватку и верхом, и в пешем строю...» [17, с. 188]. При этом, что характерно, русы сражались в глубоком сомкнутом строю, который Лев Диакон сравнивает с византийской фалангой, пешей или конной [5, с. 73, 80]. О стремлении русов к рукопашному бою и о тяжелом вооружении (копье, щит, меч, «оружие нападобие кинжала» — скрамасакс?) свидетельствует в описании их нападения на Барда'а в 943–944 гг. и перс ибн Мискавайх [6, с. 101].

Обращает на себя внимание тот факт, что Диакон сравнивает строй русов в сражении под Доростолом со стеной [5, с. 73]. Случайно ли такое сравнение? Не связано ли оно с хорошо известной из истории военного

дела раннесредневековых германцев и скандинавов «стеной щитов» (древнеангл. *Scildburh*)? В пользу такого предположения говорит очень многое. Случайным ли является то, что переворот в военном деле на востоке Европы совпадает по времени с началом активной норманнской экспансии в этом регионе [23, с. 286]? Случайным ли является совпадение многих обычаев и нравов, воинской культуры русов, противопоставляемых и византийскими (например, Константином Багрянородным), и арабскими авторами славянам [15, с. 45, 47], с обычаями и нравами скандинавов? Достаточно сравнить, например, высказывание выдающегося отечественного скандинависта А.Я. Гуревича, писавшего, что «идеал скандинавского героя — умереть молодым и пол-

ным сил, с мечом в руках: лучшая смерть — в бою, после нее он немедля отправляется в Валхаллу к Одину, где возобновятся пиры и поединки» и подчеркивавшего «необузданное самоутверждение северного "варвара", с легкостью обнажавшего оружие и готового пролить кровь человека, который затронул его доброе имя», с характеристикой, даваемой русам тем же ибн Мискавайхом, ибн Русте, автором «Хулуд ал-'алам» или Львом Диаконом [5, с. 57; 6, с. 55, 101, 105]. Даже такая, казалось бы, малозначимая, но вместе с тем говорящая в пользу такого предположения деталь, как описание одежды русов. Они, по словам ибн Русте, «носят широкие шаровары, на которые идет по сто локтей материи», и на изображении скандинавского всадника на погребальном камне с

острова Готланд мы также можем видеть точно такие же шаровары. Одним словом, слишком много совпадений, чтобы все это могло считаться случайностью.

Но если отмеченные совпадения вовсе не являются случайностями, а отражают некую историческую закономерность, то, в таком случае, перед нами не просто военно-техническая революция, но речь необходимо вести о подлинной, хотя и локальной, военной революции. Классическая концепция военной революции, сформулированная М. Робертсом и уточненная Дж. Паркером, связывает воедино изменения в военной, социальной и политической сферах. В нашем же случае переворот в военном деле был связан с переходом от тактики ведения дистанционного боя в расcеянных боевых порядках с при-

Научно-историческая реконструкция образа князя Святослава по описанию Льва Диакона

менением метательного оружия, главным образом дротиков, к тактике ближнего боя, в котором намного большее, чем ранее, внимание уделялось рукопашному бою. В пользу этого свидетельствует, в частности, отмеченное выше резкое увеличение числа находок защитного вооружения. Между тем, как отмечал В.А. Шнирельман, «...археологические данные о защитном вооружении имеют принципиальное значение. Ведь если функции ранних видов оружия (охотничьи или боевые) плохо различимы, то защитное вооружение, безусловно, свидетельствует об отнюдь не регулярных вооруженных столкновениях. Кроме того, защитное вооружение в тенденции коррелируется с достаточно дифференцированным обществом, развитием систем более или менее централизованной власти, появлением воинов-профессионалов и т.д. [выделено автором. — В.П.]...» [20, с. 36].

И здесь мы подходим к важному следствию, вытекающему из выделенных нами слов. Серьезнейшие изменения в комплексе оборонительного и наступательного вооружения, произошедшие в исторически короткий срок, способствовали, как было показано выше, не менее радикальным переменам в тактике, и вызваны были они явным, на наш

взгляд, скандинавским влиянием. Однако именно IX, особенно 2-я половина, и X вв. — время, когда закладывались основы древнерусской государственности, формировалась характерная «дружинная» культура и «дружинное» государство (термин Е.А. Мельниковой), т.е. происходили процессы, в которых скандинавы, судя по всему, сыграли значительную роль [16, с. 45, 46]. Как писал отечественный историк А.А. Горский, «одна из черт сложившегося в Восточной Европе государства все же может быть связана в значительной мере с деятельностью норманнов. Это объединение всех восточных славян в одно государственное образование... Если бы в конце IX столетия не произошло объединение земель по пути из «варяг в греки» (из Балтийского моря в Черное по рекам Восточной Европы) под единой властью (которое вряд ли было бы возможно без сильного варяжского дружинного контингента), вероятно, в восточнославянском регионе сложилась бы, по крайней мере поначалу, также полицентричная государственная система...» [3, с. 48, 49].

И неважно, что скандинавов было немного — достаточно было всего лишь нескольких сотен профессиональных, хорошо вооруженных воинов, обладающих определенным военно-тех-

ническим и организационным преимуществом над разрозненными восточно-славянскими и финно-угорскими племенами, чтобы в случае необходимости навязать им свою волю. К тому же пришельцы принесли на северо-запад будущей Руси не только новую, более совершенную военную культуру, которую по мере их ассимиляции и «растворения» в окружающей их славяно-балтско-финской среде воспринимает местная военно-политическая элита. Формирование последней с приходом норманнов ускоряется и очень скоро, буквально через 2–3 поколения мы можем видеть результаты этой ассимиляции, что называется, налицо — на смену Олегу-Хельги и Игорю-Ингвару приходят Святослав и Владимир. И наряду с перениманием новой воинской культуры происходит еще более важный и значимый процесс. Через посредничество норманнов эта формирующаяся «дружинная» элита воспринимает иную, более сложную и совершенную политическую культуру, культуру государственную, с которой скандинавские «находники» познакомились во время набегов на Западную Европу. Все вместе взятое, это ускорило процессы политогенеза у восточных славян и в конечном итоге привело к созданию Древнерусского государства. ■

Источники

1. Археология Украины. Т. 3. Киев, 1986.
2. Горский А.А. Древнерусская дружина (к истории генезиса классического общества и государства на Руси). М., 1989.
3. Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
4. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007.
5. Лев Диакон. История. М., 1988.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3: Восточные источники. М., 2009.
7. Иоанн Эфесский. Церковная история / Пер. Н.И. Серикова // Гиндин Л.А. и др. Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. 1. М., 1994.
8. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001.
9. Казанский М.М. О раннеславянской коннице // Stratum plus. 2005–2007. № 5.
10. Казанский М.М. О славянском панцирном войске (VI–VII вв.) // Stratum plus. 2011. № 5.
11. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
12. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1–3 // Свод археологических источников. Е 1–36. М.-Л., 1966–1971.
13. Кирпичников А.Н. Опыт изучения вооружения средневековой Руси // У истоков русской государственности. СПб., 2007.
14. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985.
15. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
16. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993.
17. Стратегикон Маврикия. СПб., 2004.
18. Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов) // Византийский временник. 2003. № 62 (87).
19. Пасхальная хроника / Пер. С.А. Иванова // Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. 2. М., 1995.
20. Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994.
21. Прокопий Кесарийский. Война с готами. Т. 1. М., 1996.
22. Святейшего Фотия, архиепископа Константинопольского, первая гомилия «На нашествие россос» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003.
23. Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.
24. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.
25. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961.